

СОНЪ САРДАНАПАЛА.

(Сарданапалъ, Траг. Л. Байрона. Дѣйствіе IV, явл. I.)

Сарданапалъ (спитъ, раненый, на царскомъ ложѣ — часныя движенія прерывающъ сонъ его.) и *Мирра*.

МИРРА.

Онъ дремлетъ и неслышалъ какъ пришла я,
Но сонъ шакой не опдыхъ: разбужу —
Нѣпть, онъ ушихъ. О Богъ покоя, царь
Смеженныхъ вѣждей, сновидный сладкихъ
И полного забытія безъ грезъ!
Будь шихъ, какъ смершь, сестра шволя, и кропокъ:
Тогда мы ближе къ счастью, какъ, бышь можешъ,
Верховное найдемъ мы счастье въ царствѣ
Безмолвной сей сестры и непробудной.
Онъ вздрогнулъ снова — выраженъе муки
Просперлось быспро по лицу; такъ вѣшеръ

Рябишь мгновенно озера поверхность,
Покойнаго подъ пѣвнью горъ; шакъ буря
Шумишь въ осеннихъ пожелтѣлыхъ лисьяхъ,
Безжизненно висящихъ съ вѣтвей древа.
Я разбужу его; нѣшь, нѣшь! какъ вѣдашь,
Какія грезы? . . . Тяжеть, мнишься, сонъ,
Но пробужденье легче-ли? Бышь можешь,
Всему виной превоги лишь сей ночи,
Ошь раны шакже, хощь неважной, боль,
И я напрасно опасуюсь — нѣшь!
Природа — маперь пусть его врачуешь,
Я помогаю, а не мѣшаю ей спану.

С а р д а н а п а л ь (пробуждается).

Нѣшь, нѣшь, хощя-бъ вы царство надъ звѣздами
Давали мнѣ, ихъ безъ конца умноживъ,
Хощя-бъ такой цѣною не куплю я
Престола самой вѣчности! прочь, прочь,
Ловець звѣрей древнѣйшихъ! прочь и вы,
Губившіе людей, какъ безсловесныхъ,
Жеспокіе — здѣсь люди, а тамъ боги —
Когда не ложь языкъ жрецовъ; и ты,
Кровавая Царица, среди труповъ

Ходящая по Индіи — прочь! гдѣ я?
Гдѣ швни? гдѣ . . . нѣтъ, эпо ужъ не призракъ:
Сей образъ я узналъ бы между всѣхъ
Страшилищъ, коихъ извергають гробы
Изъ мрачныхъ нѣдръ, на спрахъ живущимъ . . . Мирра!

М И Р Р А.

Увы! шы блѣдень, на челѣ какъ капли
Росы вечерней. — Успокойся, другъ мой.
Слова твои, какъ вѣспѣ другаго міра,
Но шы любимъ и въ здѣшнемъ. Успокойся.

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

Дай руку мнѣ — шакъ, шакъ, рука живая. . . .
Жми, крѣпче жми, пока въ себѣ себя
Я прежняго узнаю —

М И Р Р А.

И меня,
Твою всегда, шеперь и прежде, Мирру.

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

Да, я узналъ — я вновь живу. О Мирра,
Я былъ, гдѣ всѣ мы будемъ!

М И Р Р А.

Государь.....

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

Я былъ во гробъ, гдѣ царями черви,
И гдѣ цари..... я такъ не полагаю,
Я думалъ, тамъ ничто.

М И Р Р А.

Ничто для всѣхъ,
Окромя робкихъ, кои невозможнымъ
Себя пугающъ.

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

Мирра, если сполько
Во снѣ мы видимъ, что-жъ намъ смерть откроетъ?

М И Р Р А.

Какое зло открытъ она возможетъ,
Безвѣстное для смертныхъ въ этой жизни?
Когда и вправду, есть спрана, гдѣ духъ
Переживаетъ; безтѣлесно всё тамъ,
Какъ самый духъ; нѣтъ, если перейдетъ
Туда шѣнь грубой бренности, спящей

Межь небомъ здѣсь и нашими душами,
Нась вяжущей съ землей — что хочешь будь тамъ,
Она спрашишься вновь не станеть смерти.

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

Я не спрашуся, но я ощущаль,
Я видѣль — обласпъ мертвыхъ.

М И Р Р А.

Какъ и всѣ мы:
Бездушный прахъ подъ нашими ногами
Жиль и спрадалъ. Но говори — рассказъ
Прогонишь мракъ души швоей.

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

Казалось —

М И Р Р А.

Нѣшь, шы успаль и боленъ — изнуренье
И духъ и силы ослабляеть; лучше
Усни —

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

Нѣшь, послѣ — я боюсь вшорично
Увидѣшь сонъ; да — это толька сонъ былъ —
Я толька спаль — снесѣшь — аи шы рассказъ сей?

М И Р Р А.

Все, все спесу, сны жизни или смерти,
Съ тобою раздѣляя ихъ, въ мечнахъ
Иль наяву

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

Да, все, какъ наяву
Казалось — я, глаза опкрывши, видѣлъ,
Какъ удалялись шѣни и исчезли.

М И Р Р А.

Какъ?

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

Я, казалось, здѣсь сидѣлъ, на самомъ
Семь мѣспѣ, гдѣ шеперь мы, госпѣ съ другими
Умышленно, и не хозяинъ, чшобы
Непринужденность пиршества удвоить;
По споронамъ меня, не шы и Замесъ,
Съ обычнымъ нашимъ обществомъ, но нѣкій
Сидѣлъ огромный, величаво — мрачный
И мертвый образъ — я не узнавалъ,
Но мнилось, что видалъ его и прежде:
Лице какъ у гиганта; взоръ спокоенъ,

Но свѣшеть; въ кольцахъ длинныя вѣсы;
Колчанъ огромный за плечами — спрѣлы
Съ орлиныхъ крыльевъ перьями, торчали
Межъ змѣвидныхъ кудрей привидѣнья.
Я подаю знакъ ему наполнишь чашу —
Онъ не опрѣспововалъ; я налилъ самъ —
Онъ не взялъ чаши, но вперилъ недвижный
Въ меня свой взоръ — мнѣ прелесть обнялъ сердце.
Я царспвенно нахмурилъ брови — онъ,
Тѣмъ не смупясь, глядѣлъ и все глядѣлъ
Тяжелымъ тѣмъ-же неизмѣннымъ взоромъ,
Пока я въ страхъ обратился вправо
Искать гонимой не споль суровыхъ, къ мѣсту,
Гдѣ шы сидѣла обычно — но
(останавливается.)

М И Р Р А.

Но я

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

Но на сѣдалищѣ, гдѣ милый
Покоился твой часто образъ — тамъ
Кровавоглазый, сѣдовласый, тощій,
Кроваворукій, мерзвовидный призракъ

Сидѣль въ одеждѣ женской и въ коронѣ,
Съ челомъ изрытымъ снаростью, съ усмѣшкой
И мщенія и сладострастья — кровь
Въ моихъ заспыла жилахъ!

М и р р а .

Далѣ —

С а р д а н а п а л ь .

Въ правой
Рукъ, сухой, какъ когти хищной птицы,
Съ кипящей кровію былъ кубокъ; въ лѣвой,
Другой, наполненъ — чѣмъ, я не видалъ,
Я отвратился. Вдоль сполз сидѣль
Рядъ грустныхъ пѣней, все въ шеломахъ, съ видомъ
Различнымъ, съ пѣмъ-же выраженьемъ лицъ.

М и р р а .

И ты не счелъ сего мечтою?

С а р д а н а п а л ь .

Нѣтъ,

Казалось, можно было осязатъ ихъ.
Я обращался опъ лица къ другому,

Въ надеждѣ ликъ найши средѣ нихъ знакомый,
Но щещино — всѣ въ глаза глядѣли мнѣ,
Не ѣли и не пили, но глядѣли,
Пока, подобно полукамнямъ, имъ,
Я самъ спалъ камнемъ, но дышалъ припомъ,
Жизнь ощущая и въ себѣ и въ нихъ:
Сочувствіемъ ужаснымъ, мнилось, нѣкимъ
Опѣ нихъ ко мнѣ въ бесѣдѣ сей прешло
Полсмерти, къ нимъ же опѣ меня полжизни.
То бытіе совсѣмъ иное было,
Чѣмъ на землѣ иль въ небѣ: — лучше смерть,
Чѣмъ бытіе такое!

М И Р Р А.

Наконецъ? —

С А Р Д А Н А П А Л Ъ.

Я мраморомъ сидѣлъ живымъ, какъ всталъ
Ловецъ съ полною: онъ мнѣ улыбнулся —
Такъ, ликъ ловца гигантски - благородный
Мнѣ улыбнулся — я скажу, усна —
Глаза оспались неподвижны; съ щощихъ
Устъ женщины слепѣло пожъ мгновенной
Подобіе усмѣшки. Оба встали,

И съ шми весь печальныхъ тѣней сонмъ,
Какъ бы могучимъ подражая даже
И послѣ смерти. Я сидѣлъ — ошвага
Опчаянья мнѣ укрѣпила сердце,
Я не спрашился и смѣялся прямо
Въ глаза имъ. Но тогда тогда ловець
Мнѣ подаль руку — я ее схватилъ
И жаль, но вдругъ она исчезла, самый
Ловець исчезъ, мнѣ въ памяти оставивъ
Глубоко врѣзанъ образъ свой геройскій.

М и р р а .

Такъ, то герой былъ и опецъ героевъ,
Твой предокъ.

С а р д а н а п а л ь .

Такъ, но женщина о Мирра!
Она спалась, бросилась ко мнѣ,
И жгла уста мнѣ бѣшеннымъ лобзаньемъ.
Изъ рукъ ея упали чаши — ядъ ихъ,
Разлившись, плылъ въ двухъ мерзостныхъ попокахъ;
Другія тѣни пребыли недвижны,
Какъ спашуй рядъ во храмъ; но она
Въ объяшьяхъ сжавъ меня, душила — я же

И препеталъ и вырывался, будно
Славъ изъ попомка сыномъ, казною
Ей заплапившимъ за кровосмѣшенъе.
Попомъ попомъ смѣшалось все въ тяжелый,
Густой, безвидный хаосъ; я былъ мертвъ,
Но чувствовалъ; былъ погребенъ, воскресъ,
Былъ свидію червей, огня добычей,
И плылъ въ пространствѣ воздуха — лишь помню,
Что я себя одной искалъ средь мукъ сихъ,
И пробудился, и себя нашелъ здѣсь.

Вронченко.

ОДЕССКІЙ
АЛЪМАНАХЪ

НА 1831^й ГОДЪ,

ИЗДАНЫЙ

П. Морозовымъ и М. Розбергомъ.

ОДЕССА.

ПЕЧАТАНО ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1831.